

Соединяя собственную сущность с сущностью своей прекрасной комнаты, ища с нею взаимодействия, он, быть может, возвращал свое собственное привидение — и даже не мог уразуметь, что подобная метаморфоза уже могла иметь место в прошлом..

Оливер Онионс.
Манящая своею красотой¹

¹ Английский писатель. Уроженец Йоркшира, окончил художественное училище, работал книжным дизайнером и иллюстратором. Автор около сорока детективных, исторических и мистических произведений, из которых наиболее известна повесть «Манящая своею красотой» (*The Beckoning Fair One*, 1911), считающаяся едва ли не самой лучшей англоязычной «историей о привидениях».

Глава 1

Кэтрин явилась в Красный Дом словно во сне. Она оставила машину на пыльной дороге — живая изгородь полностью перекрывала проезд — и отправилась пешком через узкий проход между кустами боярышника и лещины туда, где виднелась островерхая крыша с красными кирпичными трубами и цветочными орнаментами на остром коньке.

Не по сезону теплый ветер прилетал с близлежащих лугов и стелился у ее ног по разошедшей земле, принося с собой благоуханные ароматы неведомых цветов. Сонная, едва ощущая гудение, исходящее от желтых луговых цветов и полевых летних трав, высоких и буйных, Кэтрин затосковала по времени, в котором, может быть, жила и не она, а кто-то другой, и представила себе, что переносится в другую эпоху.

Когда она, пройдя вдоль кирпичных стен английской кладки¹, окружавших сад и поросших

¹ Вид кирпичной кладки, при котором на лицевой поверхности каждые два тычковых ряда разделяются двумя или более ложковыми.

плющом по всей ширине, вышла к черным воротам, прилив романтических чувств настолько сразил ее, что у нее закружилась голова. Но вот перед Кэтрин открылся вид на дом и полностью овладел ее вниманием.

Ей сразу же показалось, что дом в ярости от того, что его побеспокоили: он словно встал на дыбы, увидев незнакомку между стойками ворот. Трубы-близнецы — по одной на каждое крыло — походили на руки, воздетые к небу и царапающие воздух. Крыши, выложенные валлийской шиферной плиткой и увенчанные железными гребнями, ощетинились, точно шерсть на собачьем загривке.

Все линии дома устремлялись в небеса. Два крутых фронтона и арка каждого окна взывали к небу, громадное здание словно было маленьким собором, возмущенным своим изгнанием в хирфордширское захолустье. И, хотя оно более ста лет прозябало в глуши посреди невозделанных полей, его стены из аккрингтонского кирпича¹ сохранили свой гневно-красный цвет.

Но если приглядеться и представить себе, что многочисленные окна — от высоких порталов первых трех этажей до узких слуховых окошек чердака — это ряды глаз, то казалось, дом смотрит куда-то мимо нее.

Будто не замечая Кэтрин, множество глаз глядели на что-то, находящееся позади нее. Впечатление взора, устремленного вдаль, создавалось

¹ Имеется в виду красный твердый кирпич из аккрингтонской глины, содержащей окись железа.

многоцветными каменными архитравами над окнами. Но то неведомое, на что они так долго и со страхом взирали, ввергало еще в больший трепет, чем само здание. И, может быть, та безмолвная ярость, которую Кэтрин усмотрела в облике Красного Дома, была на самом деле испугом.

Особняк выглядел явным чужаком в здешних краях. При его строительстве почти не использовались местные материалы. Этот дом возводил кто-то очень богатый, способный оплатить и привозные материалы, и профессионального архитектора ради того, чтобы воплотить в камне некое видение, вероятнее всего, задуманное по образу и подобию какой-нибудь усадьбы, восхитившей владельца в Европе, возможно во Фландрии. Почти наверняка здание относилось к так называемому «готическому Возрождению» времен долгого царствования королевы Виктории.

Красный Дом и ближайшую деревню под названием Магбар-Вуд разделяли две мили — холмы с редкими вкраплениями лугов, из чего Кэтрин сделала вывод, что поместье когда-то принадлежало крупному землевладельцу, заметно расширившему свои владения благодаря законам об огораживании¹ и явно любившему уединение.

¹ «Законами об огораживании» называют издававшиеся в Англии в конце XV—XVI вв. законы, направленные против бедняков и малоимущих крестьян. Согласно им, земли последних могли быть отчуждены в пользу богатого землевладельца, а самих крестьян определяли в «рабочие дома», где те становились фактически рабами, работающими за паек.

До Красного Дома Кэтрин добиралась через Магбар-Вуд и теперь задалась вопросом: а возможно ли, что в приземистых деревенских домах некогда жили арендаторы хозяина этого необычного особняка? Но то, что деревня не расширилась до границ территории поместья, а близлежащие поля стояли заброшенными, было необычно. Когда ей доводилось выезжать по своим оценочно-аукционным делам в загородные особняки, настоящие луга ей почти не попадались. А вот Магбар-Вуд и Дом опоясывали, подобно крепостному рву, две квадратные мили дикой природы.

Труднее было признать то, что прежде она вообще не знала об этом месте. Она чувствовала себя как бывалый турист, внезапно обнаруживший новую гору в Озерном Крае¹. Этот дом представлял собой настолько уникальное зрелище, что дорогу к нему следовало бы оснастить соответствующими указателями — или хотя бы нормальный подъезд сделать.

Кэтрин внимательно посмотрела себе под ноги. Это и дорогой-то назвать нельзя, так, полоска глины и щебня. Казалось, Красный Дом и семейство Мэйсонов хотели, чтобы никто их не обнаружил.

Приусадебная территория тоже знавала лучшие времена. Перед фасадом особняка был когда-то разбит палисадник, но теперь в нем хозяйничали крапива, плевел и колючие луговые

¹ Имеется в виду озерный заповедник в Северо-Западной Англии, основанный в 1951 году.

цветы, и густые заросли кустарника теснились в тени здания и садовых стен.

Вокруг Кэтрин вилась стайка жирных черных мух, норовя усесться на неприкрытые руки, и она поспешила к крыльцу. Но вскоре, судорожно вдохнув, замерла; пройдя полпути по останкам центральной дорожки, она увидела в прямоугольном, с крестообразным переплетом окне второго этажа лицо: оно прижалось к стеклу в нижнем углу слева от вертикальной стойки. Маленькая ручка то ли помахала ей, то ли изготавилась постучать. А может быть, человечек в окне ухватился за вертикальную фрамугу, стараясь подтянуться повыше.

Она решила помахать в ответ, но не успела поднять руку, как человечек исчез.

Кэтрин не знала, что в доме живут дети. Согласно полученным указаниям, здесь проживали только Эдит Мэйсон, единственная оставшаяся в живых наследница М. Г. Мэйсона, и домоправительница, которая и должна была встретить Кэтрин. Но маленькое личико и ручка, сделавшая короткий взмах, определенно принадлежали ребенку — бледному, с чем-то вроде шляпы на голове.

Она не могла сказать, девочка это или мальчик, но краем глаза успела уловить на мелькнувшем лице широкую веселую ухмылку, словно ребенку было приятно наблюдать, как она пробирается сквозь заросли в палисаднике.

Ожидая услышать топот маленьких детских ножек, бегущих по входной лестнице ей навстрече-

чу, Кэтрин внимательно посмотрела на пустое окно, а потом — на дверь. Но ничто не шевельнулось за темным стеклом, и никто не спустился, чтобы встретить ее.

Она продолжила путь ко входу, более уместному для церкви, нежели для жилого дома, пока мрачная тень от старого дуба не накрыла ее подобно громадному капюшону.

Одна створка громадных передних дверей, сделанных из шести панелей — четыре дубовых, две верхних из витражных стекол, — была открыта, словно провоцируя Кэтрин войти без приглашения. Через щель она увидела неосвещенный холл с бордовыми стенами. Погруженный в полумрак, он напоминал глотку, уходящую в бесконечность.

Кэтрин оглянулась на заросшие лужайки, и ей почудилось, будто стебли золотарника и кукушкиных слезок повернули свои маленькие дрожащие головки и безмолвно крикнули, предупреждая об опасности. Она сдвинула темные очки повыше, к волосам, и на мгновение подумала, не вернуться ли к машине.

— Дорожка, по которой вы прошли, была здесь задолго до того, как построили этот дом, — послышался надтреснутый голос из глубины холла. Женщина заговорила тише, словно обращаясь сама к себе, и Кэтрин послышалось, — никто не знал, что придет сюда по этой дорожке...